

«ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»: ДРЕВНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Е. В. Лушневская

*Полоцкий государственный университет,
пер. Стрелецкий, 4, 211400, г. Полоцк, Беларусь, k.lushneuskaya@psu.by*

На основе переводов «Песни о Нибелунгах» со средневерхненемецкого на нововерхненемецкий и на русский языки проведено сравнение основных и значимых для формирования представлений о средневековой картине мира таких понятий, как «честь», «верность», «предательство», «измена». Выявлено, что данные понятия часто неоднозначны и сложны для понимания современной аудиторией. Перенос многих категорий в иную реальность влечет за собой искажение смысла, изначально заложенного в древний текст. Обосновано привлечение контекста эпохи не только для более точного перевода, но и для возможной интерпретации реалий средневекового общества и памятников средневековой культуры.

Ключевые слова: проблема перевода; средневековое мировоззрение; честь; верность; предательство; измена; синтез эпох.

«Песнь о Нибелунгах» – классический памятник средневековой литературы с многовековой историей, охватывающей период огромной популярности эпоса, время забвения и вновь возродившегося интереса. Сегодня существует широкий спектр как литературоведческих, так и искусствоведческих работ, посвященных эпосу о Нибелунгах. Во многом популярность эпоса была обусловлена появлением переводов на многие языки мира, в том числе и на русский.

Первый перевод на русский язык был сделан М. И. Кудряшевым в 1889 году [1], а в 1972 году был издан перевод Ю. Б. Корнеева [2]. Среди многочисленных переводов на нововерхненемецкий язык достоин упоминания прозаический перевод З. Гроссе, изданный в 1997 году [3], из недавних поэтических переводов «Песни о Нибелунгах» можно назвать перевод В. Ханзена [4], опубликованный в 2014 г.

Современным медиевистам немаловажно знать и уметь интерпретировать такие значимые понятия средневекового мировоззрения, как «честь» и «верность», «предательство» и «измена». Особый интерес вызывает сопоставление переводов с точки зрения отражения в них особенностей средневековой культуры.

Основная сложность перевода состоит в синтезе эпох и мировоззрений, характерном для «Песни о Нибелунгах». Архаические представления о чести перенесены автором эпоса в современную ему эпоху конца XII – нач. XIII вв. Например, в описании процедуры приема гостей мы встречаем древнегерманское понятие *êre* в значении 'почтение': «swaz

*êren*¹ ir geschæhe, / vrô sollten wir des sîn. // swaz ir geredet, Hagene, / ich dien' ir durch die triuwe» [3, S. 366] – «Коль ждет *почетъ* сестрицу, / должны мы рады быть. // Что мнѣ ни говорите, / я буду вѣрно ей служить» [1, с. 287]. Кудряшев в переводе использует такие производные слова 'честь', как 'почет', 'быть почтенным'. В немецком варианте словосочетание *êren geschehen* могло бы переводиться как 'оказывать честь'. Переводчик сужает значение словосочетания до 'почета', что не противоречит общему тону повествования. В немецкоязычном варианте, предложенном В. Ханзенем, сохраняется понятие 'честь' и используется в словосочетании *zu Ehren geschehen* в значении 'оказывать честь': «“Was ihr *geschieht zu Ehren*, / lasst uns froh drum sein. // Wes Ihr auch redet, Hagen, / ich dien ihr nach der Treue mein.“» [4, S. 171].

В прозаической обработке З. Гроссе концентрирует свое внимание на чести, которую окажут героине эпоса, и использует синонимичное выражение *die Ehre zuteilen* как оказывать честь: «Im Gegenteil, wir sollten froh über *die Ehre* sein, die ihr *zuteil wird*. Was Ihr auch redet, Hagen, ich diene Kriemhild in brüderlicher Treue» [3, S. 367]. Почет и связанные с ним почести отсылают к эпохе расцвета рыцарской культуры и являются неотъемлемыми составляющими придворного образа жизни. Это позволяет утверждать близость выше названных переводов к тексту оригинала. Предложенный Корнеевым перевод значительно отличается, в его интерпретации понятия «почет» и «удача» взаимозаменяемы и тождественны друг другу: «Я, чтоб вы не сказали, ее удаче рад. / Вреда и зла родной сестре желать не может брат» [2, с. 169]. К удаче или везению в Средние века было особое отношение, и, используемое в эпосе, оно как правило служило своего рода отсылкой к древним представлениям о судьбе. Можно сказать, что переводчик, обратившись именно к понятию 'удача', немного исказил первоначальный смысл, заменив значимые для рыцарского общества «почет» и «честь» удачей.

В эпосе находит отражение и древнее значение «чести», уходящее корнями в раннее Средневековье: *êre* как *ruhm*² (в переводе с нем. 'слава'): «dô sprungen zuo ein ander / die *êre* gernde man. // ir ietweder schermen / für starke wunden began» [5, S. 666]. Кудряшев переводит строфу дословно: «Они схватились, *чести* / тотъ и другой искалъ; // Обороняться каждый / изъ нихъ отъ ранъ могучихъ сталь» [2, с. 416]. Корнеев в данной строфе использует понятие «слава»: «И все ж, до *славы* жадны, они вступили в бой, / Щиты свои надежные держа перед собой» [3, с. 296]. Здесь честь и слава – понятия взаимосвязанные и взаимозависимые. Для многих воинов поиск

¹ Здесь и далее выделения *курсивом* в цитатах из «Песни о Нибелунгах» сделаны автором статьи. – Е. Л.

² Êre = ehrenbietung, verehrung; preis, zierde; verehrtheit, ansehen, ruhm [5, S. 44].

славы – это главное предназначение героя, а быть воспетым в песнях за свои подвиги – особая честь.

Гроссе заменяет существительное «честь» на его производное *ehrgeizig* ‘тщеславный’ или ‘ищущий славы, признания’ и называет героев сражения «тщеславными мужами»: «Bevor der Markgraf zu ihm hingekommen war, mußten viele blanke Ringe ihren Glanz verlieren. Da stürmten die beiden *ehrgeizigen Männer* aufeinander los. Jeder schirmte sich gegen schwere Verwundungen ab» [3, S. 667]. Ханзен также прибегает к производным словам понятия «честь» и использует слово *Ehrbegierige* как ‘честолюбец’»: «Bevor da der Markgraf / zu ihm gedrungen war, // ward noch getrübt vom Blute / manch lichter Harnisch klar. // Da liefen sich einander / die *Ehrbegier’gen* an: // Jedweder sich zu schirmen / vor starken wunden begann» [4, S. 299]. Подобные приемы перевода встречаются и в русскоязычных изданиях.

Нередко автором эпоса используются понятия «честь» и «верность» (*getriuwe*¹), как неотделимые части единого целого: «wir suln ir sîn *getriuwe*, / daz ist zen *êren* uns gewant.» [3, S. 366] – «Для насъ же *чести* больше / къ сестрицѣ *вѣрность* соблюдать» [1, с. 286]. В переводе Корнеева сохранено понятие «честь», но понятие верности вовсе исчезает, и он даже не намекает на «справедливость» или «истинные намерения» королей. Переводчик пишет об опасении Хагена, желающего предотвратить опасный союз Этцеля и Кримхильды, на что братья-короли резко ему возражают: «Нет, *честь* не позволяет нам расстроить брак такой» [2, с. 168]. Здесь переводчик опускает понятие «верности», возможно, исходя из известного факта предательства братьями Кримхильды. Однажды они нарушили клятву и убили Зигфрида, что указывает на несоблюдение ими принципов верности побратимства.

Аналогичную ситуацию встречаем в переводе на нововерхненемецкий язык. Понятие «честь» играет значимую роль, тогда как «верность» не имеет смысловой нагрузки и опускается Ханзенем: «Dawider sprach zu Hagen / der kühne Gernot: // “Es mag dabei verbleiben / bis an beider Tod, // dass wir niemals kommen / in König Etzels Land. // Lasst uns zustimmen! / Zu *ehren* wird uns das gewandt”» [4, S. 170]. Гроссе, делая прозаический перевод, имел больше возможностей в плане сохранения почти дословной передачи содержания, однако он слишком вольно перевел данную фразу, указывая, что воинам будет лучше, если они не будут мешать королеве вступить в брак: «Da entgegnete Hagen erneut: “Mir kann das niemand ausreden. Und

---

¹ Getriuwe = treu, getreu, wohlgemeinend; triuwe = wohlmeinenheit, aufrichtigkeit, zuverlässigkeit, treue» [5, S.68], в переводе на нововерхненемецкий ‘верность’, ‘справедливость’, ‘надежность’.

wenn die edle Kriemhild die Krone Helches trägt, dann wird sie uns Leid zufügen, wie auch immer sie das anstellt. Ihr solltet *diese Heirat bleiben lassen*; das ist für euch Krieger sehr viel besser”» [3, S. 367]. Братья «должны позволить свадьбе состояться», что указывает на некоторое безразличие бургундских королей к судьбе Кримхильды, хотя они и понимали, что именно вступление сестры в новый брак даст ей независимость и свободу, которыми она не обладала, находясь в родном доме.

В отношении данного поступка автор использует эпитет *untriuwe*¹, то есть ‘нечестный, несправедливый’. Таким он видит поведение Гунтера, вступившего в заговор с Хагеном: «die starken *untriuwe* / begonden tragen an, / ê iemen daz erfunde, / die ritter ûz erkorn» [3, S. 266] – «И Хагена послушаль / король себѣ во вредъ. // Задумали исполнить / *нсправедный совѣтъ*» [1, с. 243]. Короли поступают несправедливо по отношению к побратиму, согласившись на его убийство. Корнеев называет такой поступок «низостью», придавая тем самым данному поступку еще бóльшую негативную коннотацию: «Так короля на *низость* сумел вассал подбить / И Зигфрида бургунды решили погубить» [2, с. 126].

Несмотря на то что переводчик позволил себе вольность, он снова будто опережает ход повествования. В тексте оригинала позже мы встретим строки, где эта несправедливость переходит все границы: «sus grôzer *untriuwe* / solde nimmer man gepflegen» (915,4) [3, S. 278]. Кудряшев переводит данную строфу так: «Никто такой *измѣны* / не могъ доселѣ совершить» [1, с. 248]. Корнеев также близок к оригиналу и называет поступок королей «предательством»: «Спокон веков не видел мир *предательства* такого!» [2, с. 131].

Измена, обман, предательство – это те понятия, которые часто вводятся в эпос наряду с честью. Отстаивая честь короля, Хаген способен на предательство и обман. Обманом он выведывает тайну об уязвимом месте Зигфрида, и нарушает клятву побратимства. Ханзен прибегает к преувеличению и использует вместо слова «неверность» словосочетание «измена и предательство», словно желая подчеркнуть свое негативное отношение к ситуации: «Der König folgte leider / seines Lehnsmanns Rat. // So huben an zu sinnen / auf *Untreu und Verrat*, // eh es wer erkannte, / die Ritter auserkoren. // Durch zweier Frauen Streiten / ging da mancher Held verloren [4, S. 125]. В переводе Гроссе появляются новые оттенки понятия в значении ‘вероломство, измена’: «Der König folgte in übler Weise Hagen, seinem Lehnsman. Diese große *Treulosigkeit* begannen die auserwählten Ritter in die Tat umzuset-

---

¹ Untriuwe = treulosigkeit, betrug [5, S. 256], то есть ‘неверность’ и ‘обман’.

zen, ehe es jemand bemerkt hatte. Vom Streit zweier Damen wurden viele Helden verloren» [3, S. 267]. Аналогичный пример встречаем в другом месте: «Da ritt der stolze Kämpfer zu seiner Frau. Sogleich hatte Hagen dem König gesagt, wie er den angesehenen Ritter überwältigen wollte. Eine so große *Treulosigkeit* sollte künftig kein Mensch mehr begehen» [3, S. 279]. У Ханзена вместо *Treulosigkeit* ('вероломство' или 'измена') используется *Untreue* в значении 'неверность': «Da ritt zu seinem Weibe / der Degen unverzagt. // Derweil es hatte Hagen / dem Könige gesagt, // wie er verderben wolle / den herrlichen Degen. // So großer *Untreue* / sollt ein Mann nimmer pflegen» [4, S. 131]. В прозаическом переводе не идет речь о пренебрежении содержанием в пользу рифмы. Однако переводчик Гроссе предпочитает понятию *Untreue* понятие *Treulosigkeit*. Если в литературном произведении данные понятия являются синонимами, то с точки зрения лингвистики здесь есть некоторые различия. В словаре средневерхненемецкого языка дается определение *untriuwe* в значении 'treulosigkeit'. В то же время словарь издательства Duden определяет *Treulosigkeit* как 'неверность, предательство', тогда как *Untreue* используется в значении 'предательство, ненадежность, измена, злоупотребление'. Следовательно, понятие «*Treulosigkeit*» имеет более узкое значение. Так, Ханзен, соблюдая размер, смог сохранить и более емкое понятие неверности или предательства, оставив в переводе понятие *Untreue*.

Проведенный анализ доказывает многозначность важных для средневекового мира понятий, которым зачастую сложно найти тождественное по значению понятие в современности. Сравнение немецкоязычных переводов с переводами на русский язык позволило выявить общую проблему сложности работы с древним текстом. Перенос значимых для средневекового мировоззрения понятий в современную реальность сложен вне зависимости от языковой картины мира. Знание языка оригинала упрощает перевод, но не понимание реалий. Работая над переводом древних памятников, в том числе над «Песней о Нибелунгах», необходимо придерживаться точности передачи не только слов, но и их смысловой нагрузки, контекста эпохи.

Библиографические ссылки

1. Песнь о Нибелунгах. С введением и примечаниями / пер. М.И. Кудряшева. СПб. : Типография Лебедева Н. А., 1889.
2. Песнь о нибелунгах : Эпос / пер. со средневерхненем. Ю. Корнеева. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013.
3. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / K. Bartsch, H. de Boor; übers. u. komm. v. S. Grosse. Stuttgart : Philipp Reclam, 1997, 2003.

4. Hansen, W. Das Nibelungenlied. Das große Heldenepos / W. Hansen. Rheinbach : Regionalia Verlag, 2014.

5. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / M. Lexer. 33. Aufl. Leipzig : S. Hirzel Verlag, 1969.